

Действующие лица и события романа вымышлены, и сходство их с реальными лицами и событиями абсолютно случайно.

Автор

ГЛАВА 1

Было тихо. Только время от времени от близлежащей дороги доносился шум проезжающих автомобилей. Ещё не проснувшийся до конца предрассветный ветер лениво дул на следы ночного дождя, и они исчезали буквально на глазах.

В окнах домов начинали зажигаться огни. Это просыпались «жаворонки», коими единицы являются по натуре, а остальные — по необходимости тащиться на работу чуть свет. Тут уж, согласитесь, не до свиных привилегий поспать подольше. Где-то совсем рядом залаяла собака, и немолодой мужской голос ласково проговорил:

— Тише, Тотоша! Тише.

Но собака не унималась и даже стала лаять громче. И тут всё тот же мужской голос глухо вскрикнул:

— О господи!

Тут нетрудно себе представить, как мужчина хватается за сердце. Но на самом деле он схватился за сотовый телефон и стал торопливо тыкать дрожащим пальцем в кнопки, вызывая сначала «Скорую», а потом полицию. Обе машины приехали незамед-

лительно. Уже начинало светать, и было видно, что из-под головы странно скрючившегося на асфальте человека натекла большая лужа крови. Врач «Скорой» оказался бессилён помочь жертве нападения и уступил место судмедэксперту, который, осмотрев труп, сказал, что удар нанесли предметом, похожим на узкую трубу или толстый металлический прут. Следователь, всё это время топтавшийся недалеко от судмедэксперта, потребовал уточнений. Но получил традиционный ответ:

— После вскрытия.

Плюсом было то, что жертва сразу же была опознана обнаружившим её Михаилом Петровичем Шахматовым, который в столь ранний час выгуливал свою собаку. Именно пёс по кличке Тотоша и нашёл убитого. Им оказался Борис Аввакумович Гусаров — преподаватель вуза, живший в одном доме с пенсионером Шахматовым.

Михаил Петрович сразу назвал номер квартиры, в которой Гусаров проживал вдвоём со своей женой Екатериной. Почему преподаватель вуза в этот поздний или, вернее, ранний час оказался на улице, пенсионер, как и следовало ожидать, не знал. Что интересно, при пострадавшем не было ни документов, ни денег, ни сотового телефона. Это могло говорить в пользу ограбления.

Следователь Александр Романович Наполеонов абсолютно не выспался и потому был зол. Так получилось, что дежурил он уже вторую ночь подряд. Когда второе дежурство подходило к концу, на пульт дежурного поступил вызов. И вот вам, пожалуйста!

«Веселится и ликует весь народ!» На самом же деле неунывающим из всей группы был только полицейский фотограф Валерьян Легкоступов. Он с упоением бегал вокруг жертвы и всё щёлкал своим фотоаппаратом.

Наполеонов некстати вспомнил, что длинным, стройным ногам Легкоступова завидовали многие женщины из числа сотрудниц. Кто-то даже ворчал, негодуя на природу, — зачем, спрашивается, мужику такие ноги? А подруга следователя, частный детектив Мирослава Волгина, только посмеивалась и говорила:

— А что, классные ножки! Посмотреть приятно.

«И ещё при этом все кому не лень твердят, что женщины равнодушны к мужским ногам. Какая несправедливость!» — думал следователь. Сам Наполеонов похвастаться длинными ногами не мог. Да что там ноги! Весь его рост был 165 сантиметров. Но следователь упорно придерживался мнения, что «мал золотник, но дорог». Вон и Пушкин ростом похвастаться не мог. Зато взял умом и талантом. Не зря народ говорит — «Велика Федора, да дура». У кого всё в рост уходит, а у кого в мозги. Шура повторял это про себя, как героиня Ирины Муравьёвой в одноимённом фильме твердила: «Я самая обаятельная и привлекательная». И надо сказать, ему это помогало. По крайней мере, комплекса неполноценности из-за своего роста следователь Наполеонов не заработал и на мир не обозлился.

Оперативники, отправленные на поиски орудия убийства, вскоре вернулись с уловом. Один из них обнаружил недалеко от мусорных контейнеров ме-

таллический прут. Видимых следов крови на нём не было. Тем не менее прут был отправлен на экспертизу. В самом контейнере была найдена скомканная, почти полностью сгоревшая газета, на которой и было замечено зорким глазом оперативников несколько пятнышек, напоминающих кровь. Один из них предположил, что в неё преступник либо завернул прут, либо ею вытер его после убийства. Со всеми предосторожностями её поместили в специальный контейнер и тоже отправили в лабораторию.

Следователь решил, что настала пора поговорить с женой покойного. Она могла не только опознать его, но и ответить на вопрос, по какой такой необходимости преподаватель вуза оказался в неурочный час на улице.

Дверь полиции никто долго не открывал. Видимо, жена пострадавшего спала, нисколько не обеспокоенная тем, что законного супруга нет дома. Следователь уже начинал терять терпение.

А Катя на самом деле спала и, когда раздался резкий звонок в дверь, пробудилась далеко не сразу. Сначала даже перевернулась на другой бок и приготовилась досматривать свой прерванный сон. Но в дверь позвонили снова.

«Кто бы это мог быть? — подумала она. — У Бориса должен быть ключ. Неужели он забыл или потерял его?»

Она спустила ноги с кровати, сунула их в тапочки, накинула халат и пошла к двери.

— Кто там? — спросила женщина.

— Откройте полиция!

— Какая ещё полиция?! Вы хоть знаете, сколько сейчас времени?

— Борис Гусаров — ваш муж? — ответили ей вопросом на вопрос.

И только тут она встревожилась.

— Да, — распахнула дверь, — где Боря? Что с ним?

— Вы его жена?

— Да.

— Ваше имя, отчество, фамилия.

— Екатерина Валентиновна Гусарова.

— Екатерина Валентиновна, оденьтесь, пожалуйста, нужно спуститься вниз.

Катя набросила сверху лёгкий плащ и буквально побежала за полицейским.

Своего мужа она увидела сразу, как только вышла из подъезда. Правильнее было бы сказать, что она увидела не Бориса, а то, что от него осталось, но внутренним чутьём она сразу поняла, что это он. Ей показалось, что сердце её сорвалось с места, предназначенного ему природой, и ухнуло куда-то вниз. И там, в самом низу живота, закачалось на тонюсенькой ниточке, грозя оторваться и шлёпнуться в любую секунду на землю. Кате сделалось очень страшно. Она стояла и не шевелилась

— Подойдите, пожалуйста, — попросили её.

И она подошла. В это время она чувствовала себя механической куклой, которая передвигается, лишённая собственной воли, лишь повинуюсь чужому голосу извне.

— Вы узнаете своего мужа?

— Да, — ответила она и не узнала своего голоса. Она действительно видела своего мужа лежащим на земле, но не могла осознать, что это не он сам, её Борис, а только его тело. Ужас сковал все её члены. И вдруг она обмякла и упала бы на землю, если бы её не успел поддержать стоящий рядом полицейский.

— Вам плохо? — участливо спросил он.

— Да, очень, — отозвалась она всё тем же чужим голосом.

Кто-то сунул ей в руки неприятно пахнущую склянку и велел:

— Выпейте.

Она подчинилась, и через минуту холодные щупальца безысходности ослабли, но не отпустили её окончательно. Она увидела, как её мужа переложили на носилки и погрузили в машину.

«Может быть, он жив?» — мелькнула слабая надежда. В кино Катя видела, что полиция упаковывает мёртвых в мешки. А Бориса не упаковали. Стало быть, он ещё не умер.

— Вы можете разговаривать? — спросил её следователь.

— Да. Боря ведь ещё не совсем умер? — спросила она так наивно и доверчиво, что у сотрудников полиции сжалось сердце. Никто ей не ответил. Вместо этого ей отдали его платок, расчёску, ключи.

— Посмотрите, Екатерина Валентиновна, и скажите, что пропало.

Она машинально посмотрела.

— Здесь нет Бориных документов, он всегда но-

сил их с собой, бумажника, записной книжки, сотового телефона и зажигалки.

— У Бориса Аввакумовича было с собой много денег?

— Нет. Хотя точно я не знаю.

— Вы сказали, нет записной книжки. Вы имели в виду бумажную книжку?

— Да, — Катя почему-то смутилась, — мой муж в этом вопросе был старомодным.

«Эта старомодность могла бы помочь следствию, если бы книжка не пропала», — подумал Наполеонов. И спросил Гусарову:

— Откуда ваш муж так поздно возвращался?

— С вечеринки.

— С вечеринки? — В голосе спрашивавшего прозвучало недоумение. Следователь не понимал, как жена так спокойно может говорить о вечеринке, на которую муж отправился без неё.

— Понимаете, один из их сотрудников защитил докторскую, и они решили отметить.

— Где?

— В «Нептуне».

«Нептуном» был самый крутой ресторан города. Сам следователь был там всего лишь пару раз. И то в качестве приглашённого.

«Хорошо живут преподаватели наших вузов, — подумал Наполеонов, — если могут позволить себе устраивать гулянки в «Нептуне». Но тут же одёрнул себя: «Защита диссертации случается не каждый день».

— Скажите, а ваш муж часто задерживался допоздна?

- Что значит допоздна? — не поняла женщина.
- Ну, например, как сегодня.
- Нет, конечно, — проговорила она, как показалось Наполеонову, с явным облегчением.
- Вы сегодня легли спать, не дожидаясь возвращения мужа?
- Да, Боря предупредил, что вернётся поздно, и велел не дожидаться его.
- И вы не беспокоились?
- Нет, — вздохнула она.
- А если бы ваш муж вернулся, кто бы открыл ему дверь?
- Он сам. У Бори был ключ.
- Где сейчас его машина?
- В гараже.
- Он что же, поехал в ресторан на автобусе?
- Почему на автобусе? — удивилась Катя. — Он заказал такси.
- А обратно его тоже должно было привезти такси?
- Да.
- Екатерина Валентиновна, вы не помните, ваш муж заказывал такси заранее?
- Да, заранее.
- Вы не знаете номер такси?
- Он должен был быть в записной Бориной книжке.
- Может, вы припомните хотя бы название компании, в которой было заказано такси?
- Да. Муж всегда пользовался услугами одной и той же компании — «Олений бег».

«Хоть что-то», — подумал Наполеонов и спросил:

— Правильно ли я понял вас, Екатерина Валентиновна, что на вечеринке, на которую отправился ваш муж, были только его коллеги?

— Скорее всего, да, — не слишком уверенно ответила Катя, и Наполеонов пометил себе — опрос коллег Гусарова.

— Скажите, моего мужа застрелили? — донёсся до Наполеонова голос жены убитого.

— С чего вы взяли? — удивился он.

— Но там, — она указала на застывшую лужицу тёмной крови.

— Нет, его ударили по голове железным прутом.

— О господи! — вырвалось у неё.

— Екатерина Валентиновна, вам нужно вернуться домой. Гаврилов! — обратился он к участковому. — Проводите, пожалуйста, женщину домой.

Катя покорно оперлась на руку участкового, и они вошли в подъезд. Наполеонов тем временем посмотрел им вслед и подумал: «Я, кажется, сейчас засну на ходу. Как это там, в детском стишке Агнии Барто:

Идёт бычок, качается,

Вздыхает на ходу:

— Ох, доска кончается,

Сейчас я упаду!

А подо мной качается земля, и глаза сами собой закрываются. Как хорошо было быть маленьким». Но он тут же превозмог усталость и нашёл в

себе силы поддразнить самого себя: «Вот от таких мыслей я и не вырос большим. Ладно, как-нибудь перебьюсь».

Участковый проводил жену Гусарова до двери и спросил, не надо ли позвонить кому-то из родственников.

— Спасибо, я сама, — ответила она.

Оставшись одна дома, Катя долго не могла прийти в себя. А потом позвонила дочери мужа от первого брака и рассказала о случившемся.

Так получилось, что дочь Гусарова Ариадна Борисовна Незвецкая была на десять лет старше Кати и воспринимала её скорее как младшую сестру, чем как мачеху.

— Катя, не плачь, — сказала Ариадна Борисовна.

— Я не плачу.

И тут Ариадне пришло в голову, что поплакать как раз Кате и не мешает. Незвецкая вспомнила способность Екатерины в сложных жизненных ситуациях впадать в заторможенное состояние и превращаться в сомнамбулу. Она считала, что эта эмоциональная особенность мачехи не доведёт её до добра.

— Катя, — сказала она строго, — выпей валерьянки или валокординчику.

— Я уже выпила.

— Молодец. Сиди дома, никому, кроме полиции, не открывай, с соседями не разговаривай. Я сейчас приеду. — Она чуть было не добавила по привычке — «и всё разрулю», — но вовремя опомнилась и повесила трубку.

ГЛАВА 2

Сотрудники полиции, опрашивая соседей, неожиданно узнали о ссоре убитого Гусарова с обнаружившим его труп пенсионером Михаилом Петровичем... Сразу несколько человек подтвердили, что слышали ссору Гусарова с Шахматовым, и пенсионер пообещал преподавателю вуза, что ему на голову упадёт кирпич.

— Оба-на! — сказал следователь и спросил: — Из-за чего весь сыр-бор?

Оказалось, что преподаватель добился, чтобы под автостоянку укатали детскую площадку. И все детишки остались без своего уголка для игр и отдыха.

— А что, — рассуждал вслух один из оперативников, — пенсионер вполне мог на прогулке встретиться с приехавшим Гусаровым, и ссора разгорелась снова. Кирпича поблизости не оказалось, и Шахматов вломил обнаглевшему преподу по голове тем, что попало под руку, — металлическим прутом.

— Твоими устами бы да мёд пить, — проворчал Наполеонов.

— А что? Чем вам эта версия не нравится?

— Тем, что между словом и делом большое расстояние. Можно грозить чем угодно и кому угодно, но рукам воли не давать. А можно, и словом не обмолвившись, расправиться с негодным.

— Можно, конечно, — оперативник почесал макушку, — но тут вроде всё сходится.

— Вроде в огороде, — передразнил его следователь.